

ЭПОХА МЕРТВЫХ

АНДРЕЯ КРУЗА

ЭКСПЕДИТОР

ЭКСПЕДИТОР-2

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

ЭКСПЕДИТОР

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Издано в авторской редакции

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *И. Хивренко*

Афанасьев, Александр.

А94 Экспедитор / Александр Афанасьев. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-095692-0

Страшно потерять близких, но еще страшнее, когда они... возвращаются!

Привычный мир рухнул в один миг. Человечество поразила неведомая эпидемия. Последствия ее оказались ужасны. Полчища кровожадных тварей, которые еще вчера были твоими коллегами, друзьями, возлюбленными, соседями и родственниками, заполонили российские города. Москва пала одной из первых. Настал черед провинциальных городов. Жителям Ижевска повезло. Они узнали об эпидемии за несколько дней до того, как она началась в их городе. И успели подготовиться. Благо, уж чего-чего, а оружия в Ижевске всегда хватало...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095692-0

© Круз А., Афанасьев А., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2018

Мы не чувствуем боль,
Почему, расскажи, сестра,
Так стало.
И по трубочкам в нас
Вливается кто-то чужой,
Так стало.

Уходим на закат, уходим на восход,
Не бойся больше ничего,
Не будет больше ничего.
Уходим на закат, уходим на восход,
Не бойся больше ничего,
Не будет больше ничего.

Тотал

Самый героический поступок человечества — это то, что оно выжило и намерено выжить дальше...

*А. и Б. Стругацкие.
Пикник на обочине*

Перед тем как вы начнете читать эту книгу, автор хотел бы кое о чем вас предупредить.

Эта книга является чистой фантастикой, и не более того, описанием мира, прошедшего через жуткую эпидемию и теперь пытающегося хоть как-то выжить. Именно как фантастику его и нужно воспринимать. Автор не призывает к отделению каких-либо территорий от РФ, к созданию незаконных вооруженных формирований и тому подобных вещей — хотя иметь оружие в личном владении считает нужным и сам его имеет. И второе — все события, персонажи, должностные и юридические лица в этом повествовании являются вымышленными. Автор не имеет информации о каких-либо незаконных действиях организаций и должностных лиц в Удмуртии или где бы то ни было еще.

*Ижевск, бывшая Россия.
Здание заводоуправления на Дерябина, 2,
4-й этаж, угловой кабинет*

***Девятьсот тридцать первый день
Катастрофы***

— Сань...

Б...

Я открыл глаза.

— Что за... мне что, задряхнуть как человеку нельзя?

В пять приехали...

Мешок зашел в кабинет. Кивнул на две чашки, которые держал в руках — это типа извинение. Кофе.

— Кофе будешь?

Я вздохнул.

— Ладно, давай...

Мешок, или Мишка, — один из немногих людей в этом мире, которым я доверяю. Потому что знаю его с семнадцати лет. Он бывший мент, точнее, гаишник. Я пробил ему новую работу — теперь он на заводе работает в первом отделе, водит конвои, отвечает за транспортную безопасность. Он мне за это благодарен...

Дело происходило на четвертом этаже здания заводоуправления «Ижмаша», здания на Дерябина, 2, в угловом кабинете. Который я использовал как офис и приемную — так как являлся депутатом Горсовета от трудового коллектива завода. У нас сейчас выборы не от населения города, а от трудовых коллективов заводов, а кто не работает, тот и права голоса не имеет. Это правильно. И очень по-ижевски. Ижевск — это город-завод, здесь людей знают не по национальностям, а по профессиям. Настоящий Урал, хотя и на Волге, город, который вот

уже более двухсот лет имеет только одну специализацию — производство оружия. Ижевский оружейный завод производил оружие, которым били Наполеона, били Гитлера. И сейчас он тоже производит оружие...

Я отхлебнул кофе, скривился.

— Молока бы налил, изверг.

— Молоко лить — только продукт переводить... — авторитетно заявил Мешок, усаживаясь напротив.

Да. Может, он и прав. Кофе заканчивается, у меня уже не было. Скоро без кофе жить будем. И это плохо.

Я спал, как и приехал, — в горке. Рюкзак с автоматом у стола. Приехали с Куеды. Это не матерное выражение, это название поселка городского типа на стыке Свердловской и Пермской областей и недалеко от Удмуртии. Там было что-то вроде толковища, решали, как дальше жить. Приехали не все, поговорили ни о чем. Особенно удивили свердловчане — так и гнут под себя. Нормально, без бычки разговаривать вообще не могут. Что за люди.

Правильно раньше писали — меня исправит расстрел.

Разговор шел конкретный — за будущее, за эквивалент обмена, за распределение благ в этом в одночасье рухнувшем мире. Мире, который погубила болезнь, неведомая и страшная, заставляющая мертвых подниматься и убивать живых — как в кошмарном фильме. Только теперь это был не фильм, а жизнь.

Все происходившее получило название Катастрофа.

Так получилось, что Катастрофа миновала нас — почти. Рецепт успеха был прост — относительная транспортная недоступность, несколько решительных людей в самом начале и очень, очень много оружия. Ижевск, несмотря на то, что это двадцатый по населению город России, стоит вдали от всех основных транспортных потоков. Через него не идет судоходная река, мимо нас прошли обе ветки Транссиба, и северная, и южная, через

нас не идут федеральные трассы, и у нас практически нет авиационного сообщения. То, из-за чего все ругались матом, а кто-то и уезжал, во время Катастрофы обернулось спасением. Например, аэропорт: мало того, что его приватизировало «Ижавиа» и не пускало туда другие авиакомпании, так еще он и на капитальном ремонте был. Первые бешеные — как их какое-то время называли — появились в городе, видимо, с крайним поездом Москва — Ижевск. Но их было немного, и большого вреда они причинить просто не успели. Нам надо было всего два-три дня, и эти два-три дня у нас были. Когда эпидемия все же начала развиваться, мы все знали, по сообщениям из Москвы — и про обратившихся, и про то, что стрелять надо только в голову. А стрелять у нас всегда было чем.

В городе два крупнейших оружейных завода страны — «Ижмаш» и «Ижмех». Единственное в стране крупное производство пистолетов. Плюс — у нас город оружейников, так что полиции *volens nolens* приходилось лояльно относиться к желанию простого гражданина купить себе оружие. И купить проблем не было — в городе сразу несколько крупных оружейных магазинов, в том числе на Ленина. Так и отбились — за все время Катастрофы потеряли чуть больше тысячи человек, считая бандитню и мародеров. Из шестиста с лишним тысяч.

Потом собрались, начали судить-рядить, что делать. Новости не радовали — заражен был весь мир, Москвы как столицы просто не было. Жизнь следовало налаживать самим — как получится, так и налаживать.

Решили выделяться — пока в пределах своей республики, чтобы хоть какая-то видимость законности была. Переизбрали Госсовет и Горсовет. Назначили временные администрации на госпредприятиях и тех, где хозяев не было или до них не было доступа. Где хозяева были —

оставили за ними, только определенные правила игры установили: работой нормально, плати налоги и зарплату людям — и все у тебя будет пучком. Нет — извини, военное время. После чего начали как-то выживать.

Первое же лето показало, как мы были правы.

Мертвечины много не было — но она была. Вообще, как я понял, мертвяки далеко от того места, где обратились, не уходят, оседлые они — но смертельно опасны. Массово с мертвечиной мы столкнулись, когда зачищали Агрыз и Сарапул — важные транспортные узлы, а Сарапул — так и вовсе наш город, негоже его оставлять. Агрыз татарский — но его взяли под контроль, тупо потому, что это стратегический транспортный узел, мы могли его контролировать, и оставлять его кому-то было негоже. Да и кому — мертвякам? По той же самой причине взяли под контроль Чайковский, относящийся к Пермскому краю, — там ГЭС, от которой еще какое-то время можно электричеством питаться, и порт. Речной — но порт. Портов у нас теперь было два — Чайковский и Камбарка...

Затем пошли дальше.

На второй год — зиму перезимовали, заодно окончательно истребили мертвечину, которая уральских морозов не выдерживает — начали уже не выживать, а жить, разворачивая торговлю и прибирая под себя ресурсы, какие получалось прибрать.

Дело в том, что Удмуртия — республика хоть и маленькая, но к выживанию приспособлена как нельзя лучше. Сельское хозяйство мы не угробили, сами себя обеспечиваем всем, кроме зерна, — зато тем же яйцом у нас обеспеченность двести процентов, а если картоху посадить, которая к нашей земле лучше приспособлена, — зиму перезимуешь с гарантией. Собственная нефть — хоть и немного, но есть. Стоят качалки. Значит, есть и бензин. Под рукой ГЭС — есть электричество. Ка-

менного угля нет — вообще-то он есть, двадцать миллиардов тонн, второй Донбасс — но там горизонт тысяча метров, не докопашешься. Да и зачем, если есть торф, а по торфу мы то ли первые, то ли вторые в России. А торф — это и удобрение, и топливо.

Из производств — загибайтесь пальцы — боевое и гражданское стрелковое оружие, автозавод, завод пластмасс, нефтянка, бытовые товары, электроника, беспилотники, включая как производство, так и разработку. В Сарепуле — вся радиоэлектроника, включая армейские средства связи, в Камбарке — железнодорожный транспорт, дико востребованные сейчас рельсовые автобусы, легкие локомотивы, Воткинск — ракеты «Тополь», Глазов — спецстали и ядерное топливо. Собственная металлургия, причем работающая в основном на металлоломе и заточенная на спецстали. Это только крупное, по мелочи — две швейки, в том числе одна способная отшивать армейскую снарягу, два крупных водочных завода, пиво — ну и по мелочи, молоко, хлеб там.

То, что разграбили склады РАВ и теперь стволов хватит на сто лет вперед — это ерунда полная, если не сказать круче. Ну, допустим, дернул ты АКМ или СКС — и дальше что? Пистоль тебе нужен? А это более востребованная позиция, и их-то намного меньше по рукам пошло. Допустим, нужен. А если к нему еще и ствол запасной с нарезкой под глушитель, причем заводское все? А на автомат — глушак, сошки, крон? Хорошо, допустим у тебя автомат есть. И все, достаточно? А как насчет болтовой винтовки, да под тот же патрон, что и автомат, да с заводским же глушителем? Их у нас есть — «Барсы» и «Лоси» новые. Благо огнестрельное оружие — один из самых простых в производстве потребительских товаров, там никакая кооперация не нужна, все на месте делаем, разве что прицелы покупаем.

Ну а некоторым уже мало АКМ и СКС: кто выжил, те готовы тратить, и оружие нынче — предмет первой необходимости. И опять мимо нас ты не пройдешь, мимо нашего стола. Подходи, покупай. Чем платить — договоримся, мы все возьмем.

Так мы и прожили второй год, и даже как-то поднялись, насколько это возможно — подняться в нашем невеселом мире. А вот дальше начались нехорошие такие движения, и зуб даю — не случайные.

Первый раз я понял, что неладно дело, зимой. Погрузились, караваном пошли на торг, в Новгород. Я в караване был, так как от Горсовета по части торговли и установления деловых контактов уполномоченный. Барыга, короче. Пришли. Вроде нас всегда рады были видеть, да и вообще — Новгород богател торгом, там люди разумные попались, хотя долбануло город — не в пример нам. Но в этот раз — кто как, а я сразу понял — неладное дело. Начались какие-то предьявы, место нам выделили хреновое, а потом один бухарик приперся и выдал: мол, вы, куркули удмуртские, ох...и, цены ломите, на людском горе наживаетесь. Там охрана рынка этого деятеля утихомирила да пинком под зад проводила, перед нами извинились — типа инцидент исчерпан, пацаны, торгуйте как торговали. Только я прикинул муде к бороде и понял, что неспроста вся эта тема. Этот алкаш — его охрана рынка и подслала. Сказать то, что не скажут в лицо. Сказать — зажрались вы, ребята. Пора и честь знать.

Тема эта банальна и стара как мир — обычная зависть. Говорят, что в блокадном Ленинграде в бане избивали всех, у кого не одна кожа да кости. Моральный посыл прост — почему ты не страдаешь вместе с нами, чем ты лучше нас. И под этим моральным посылом готовы будут подписаться многие.

Если бы вопрос был только в бандитах, я бы не колотился — как-никак, населения у нас, по нынешним раскладам, много, даже очень много, оружия на руках еще больше — отобьемся, от мордовских и вятских зон отбиваемся же. Проблема будет, если на нас поперет армия. Да, да, та самая непобедимая и легендарная. Которая сейчас — точнее, то, что от нее осталось — вынуждена выживать так же, как выживают все. А люди в армии есть самые разные, сакрализировать тут не надо никого, и мысли у них в отношении нас могут быть так же самые разные. Мы плохого людям не делали — но кусок жирный. Допустим, подпишутся не все. Но всех и не надо. Достаточно одного-двух полков с танками и «Градами» — и нам хана. Снайпер танк не остановит.

А армии своей у нас нет.

В Удмуртии на начало катастрофы не было ни одной воинской части. Еще раз — ни одной. Ни армии, ни ВВ. Вообще ничего. Все, что у нас было на начало из брони — пара БТР и БРДМ. Все.

Шакалили где могли. Кто-то вернулся из служивых, на своей технике. Кто уходил на своей же технике из Центральной России — без вопросов принимали, размещали: служи. Скатались в Пермь, кое-что вывезли с Мотовилихи. К нам перешла часть пацанов с бригады Внутренних войск (называю по старой памяти так) с Белебея — с техникой. Кое-что сумели выменять-выторговать. Но этого всего все равно мало. Мало, если за нас примутся всерьез.

Мало.

Проблема в том, что все — с бору по сосенке, слаженности нет. Нет нормального штаба, где все были бы сыграны и с военным опытом. Нет ни одной целой воинской части, пусть кадрированной. По сути, мы ополчение — партизаны. Один-два более-менее сохранившихся мотострелковых полка нас расхреначат.

Я думал. Долго. Не знаю, как другие, мне пофиг до других, если кто одним днем живет — его проблема. Прикидывал и так и этак. И вдруг — осенило. Конкретно — и как закрыть наши самые болевые точки, и приобрести армию. Настоящую. Перестать быть тупо купеческой республикой, а стать государством.

Написал служебку — на Синцова, председателя президиума Госсовета. Прекрасно понимал при этом, что проблем себе наживу — выше крыши. Но и ждать, пока накроют «Градами» — тупо не хотелось...

Вот, начали потихоньку искать взаимопонимание... раньше была ассоциация такая — Большой Урал. Вроде как уральские все — договориться проще. Ан нет — не учли одного. От себя гребут только курица и бульдозер. Власть — что на Урале, что в Поволжье — взяли почти везде бандиты. Бывшие и действующие. А с бандитами, особенно теми, кто не чувствует висящего над ними меча закона, договариваться сложно.

Очень.

Я потому и ездил сам, что я на руководство республики никак не тяну. От моих слов можно и отказаться. А договариваться я умею.

Но не договорился.

Допил кофе.

— Надо-то чего?

— Новосельцев хотел бы переговорить перед Госсоветом.

Новосельцев. Илья Игоревич. Зам министра внутренних дел, из местных, человек довольно статусный. Депутат Госсовета. И человек, смыслящий в политике.

— Ему-то что?

Мешок пожал плечами — мол, мне-то что. Начальство. Нас е...т, а мы крепчаем.

Я посмотрел на часы. Где твои семнадцать лет, Мишка, и где мои...

— Ладно, двинули. По-бырому только.

— Ага.

Вот чем хорош угловой кабинет — он с одной стороны на боковом входе, там, где отдел кадров и можно прийти-уйти не через проходную. Но там еще есть дверка, которая ведет на четвертый этаж основного здания. В охраняемую зону. И ключик у меня есть.

Спустились вниз. У тротуара стоит... «Порш Макан»! Новенький, да еще и красный. Цвет «Феррари». Мишка горделиво открыл передо мной дверь... знаете, как называется деревня, из которой он родом? Тыловой-Пельга. Даже не знаю, что это значит на удмуртском. Как-то у меня никогда не приходила в голову «Порш Макан» купить.

Мигалку на крышу — рванули!

— Дорого дал?

— За что?

— Машина.

— А... на дороге нашел.

Врет, наверное. Но это его дело. Сейчас такую машину и впрямь могут бросить. Спрос сейчас — на дешевые, ремонтпригодные машины. Лично у меня их сразу две — «Ода» у Элины и «Комби». Первая — похожа внешне на девятку, но движок от шестерки и непробиваемая подвеска. И просторная — впереди почти как у «Волги» места, а для меня это важно. Вторая — это привет из старых добрых семидесятых, она у меня стояла без дела, выбрасывать жалко, продавать — кому она нужна? А так — дефорсированный движок 1,7, который и прямогонный бензин из самовара переварит, рессоры на подвеске и сзади пятая дверь — можно много чего пе-